

Шао Синтан подумал, что тот, возможно, захотел послушать оперу, и не обратил на него внимания.

Однако, выйдя на сцену и увидев пустой зал, Шао Синтан понял, что сегодняшней важный гость — это Юй Чжаньнань, который арендовал весь театр.

Обычно шумный и оживлённый зал сейчас был необычайно тих. В самом центре стоял широкий деревянный стул, покрытый толстым белоснежным мехом. На нём сидел высокий молодой человек в аккуратной зелёной военной форме, с яркими чертами лица и острым взглядом. Его поза была расслабленной и непринуждённой, больше напоминая солдата, чем высокопоставленного офицера. Перед ним стоял начищенный до блеска стол, на котором лежали несколько тарелок со свежими фруктами и чайник с только что заваренным Да Хун Пао.

Все остальные места были пусты. Широкая проходная дорожка, ведущая от входа к месту мужчины, была специально освобождена. У каждого входа стояли по два солдата с ружьями за спиной, их лица были серьёзны, а позы — выпрямлены...

Шао Синтан, пока свет на сцене ещё не загорелся, глубоко вдохнул и принял позу для выхода. Он не чувствовал напряжения, просто думал, что Юй Чжаньнань слишком привередлив, раз арендовал весь зал ради оперы.

Но для него не было разницы, поёт ли он для одного человека или для десяти тысяч — в любом случае он отдаётся своему искусству полностью...

Однако Юэгуэй, которая сегодня выступала с ним, не обладала таким же хладнокровием. Увидев из темноты пустой зал и лишь одного страшного мужчину, она начала задыхаться, а перед глазами всё поплыло...

Зазвучала музыка, и Юэгуэй, испугавшись, чуть не упала на деревянные доски сцены, но её поддержала тонкая, но сильная рука, мягко введя её в действие...

Зазвучали различные инструменты, их громкий и величественный звук заполнил зал.

Шао Синтан, с его тонкими, уходящими в виски бровями и фиолетовым поясом, подчёркивающим его стройную фигуру, воплотил образ Чжоу Юя, того самого, что когда-то был известен своей харизмой и благородством... Юэгуэй, в своём ярко-красном платье, с милым и нежным лицом, смотрела на мужчину с обожанием... Эта прекрасная, как цветок, девушка была лишь фоном для того, кто в белоснежном наряде и с тёплой улыбкой играл главную роль...

Когда опера закончилась, спина Юэгуэй была уже мокрой от пота. Мужчина в зале был слишком страшен. Просто сидя там, он оказывал на неё давление, которое не могли бы создать и сотни людей. Его острый взгляд, словно наполненный лезвиями, каждый раз, когда она приближалась к Шао Синтану, словно резал её тело... Это была самая неудачная опера в её карьере с тринадцати лет. Её мысли и душа словно оцепенели, она словно смотрела на себя со стороны, не в силах что-либо изменить. К счастью, Шао Синтан умело подхватывал её промахи, не давая ей полностью опозориться...

Юй Чжаньнань сидел в зале, пока Шао Синтан и Юэгуэй не отыграли финальную сцену. На столе перед ним всё оставалось нетронутым, чай Да Хун Пао, дважды заменённый на горячий, уже остыл.

Он запоздало хлопнул в ладоши, и громкий звук аплодисментов в пустом зале прозвучал особенно одиноко...

Юй Чжаньнань никогда не видел Шао Синтана таким прекрасным. Это была не красота внешности, а что-то, что выходило за пределы пола и границ, что-то, что говорило о преданности своему делу и уважении к жизни... Этот Шао Синтан был совершенно не похож на того человека, которого он держал рядом для развлечения...

Он помнил, как впервые пришёл смотреть оперу вместе с другими командирами. Это был тот же человек, с такими же выдающимися вокальными данными, и тогда он тоже получил множество аплодисментов и похвал. Но тогда Юй Чжаньнань чувствовал, что чего-то не хватает... Теперь он наконец понял, чего не хватало тогда Шао Синтану — души. Той самой, которой он сейчас обладал, той, что так сильно притягивала его...

Во время оперы он больше не смотрел ни на кого другого, его внимание было полностью сосредоточено, как никогда раньше. Казалось, этот человек мягко вошёл в его сердце... Сердце Юй Чжаньнаня, привыкшее к жестокости войны, одновременно радовалось и щемило. Он чувствовал, что этот самый прекрасный человек в мире теперь принадлежит ему, что он его единственный... Но в то же время его охватывало чувство страха, что однажды он не сможет удержать его, что этот человек, занимающий все его мысли, уйдёт из его жизни, унося с собой всё...

Шао Синтан ушёл за кулисы, чтобы снять грим. Юэгуй, словно напуганная чем-то, весь вечер делала ошибки. Её пятидесятилетний отец, войдя за кулисы, тут же ударил её, и девушка упала на красный лакированный шкаф, её лицо было бледным, как у призрака.

— Бесполезная вещь, даже мужчине не ровня!

Шао Синтан, только что снявший все заколки с волос, не расслышал его слов. Но, увидев внезапную сцену, он испугался и, не обращая внимания на свой внешний вид, бросился к Юэгуй, нахмурившись, поднял её, которая уже тихо плакала, и строго сказал мужчине:

— Дядя, как вы можете её бить?

Отец Юэгуй уставился на Шао Синтана мутными глазами, полными ненависти, словно сдерживая ярость, и холодно произнёс:

— Она моя дочь, как хочу, так и бью. Тебе какое дело?

— Даже если она ваша дочь, вы не должны её бить, тем более, что она ничего плохого не сделала... — Шао Синтан, не боясь, начал спорить, но Юэгуй, встав, схватила его за рукав.

Девушка опустила голову так низко, что Шао Синтан не мог видеть её лица, и только услышал её тихий, сдавленный голос:

— Синтан-гэ, не вмешивайся...

Шао Синтан хотел её остановить, но Юэгуй уклонилась и пошла к отцу. С начала до конца она не подняла на него взгляда...

В сердце Шао Синтана было невыразимо тяжело. Он видел, как добрая и прекрасная девушка страдает в этом жестоком старом обществе, но не мог ничего сделать.

Янь Лян, наклонившись к уху Юй Чжаньнаня, что-то шепнул, и лицо того мгновенно потемнело. Он долго сидел в пустом зале, прежде чем направился за кулисы.

Навстречу ему шли Юэгуй и её отец. Юй Чжаньнань невольно задержал взгляд на девушке, и та, испугавшись, быстро опустила голову, её маленькие плечи дрожали...

Юй Чжаньнань, если хотел на кого-то посмотреть, никогда не скрывал этого. Он открыто рассматривал Юэгуй, и её отец, конечно, всё замечал, и давно зревший в его голове план начал оживать...

Сейчас Юй Чжаньнань собирался войти в дверь, и, по правилам, Юэгуй и её отец должны были уступить дорогу. Но неожиданно низкорослый и полный отец загородил проход, одной рукой схватив дочь и заставив её встать на колени перед Юй Чжаньнанем.

Солдаты, услышав шум, быстро подбежали и, напряжённые, навели ружья на неожиданно двинувшуюся пару.

— Командир Юй, я, я... — Увидев перед собой дула ружей, мужчина на коленях обмяк и даже забыл, что хотел сказать.

Юй Чжаньнань махнул рукой, и десяток солдат с ружьями быстро отошли.

— В чём дело? Что случилось?

Чёрные глаза Юй Чжаньнаня были мрачны, он смотрел на двоих на полу, словно видел всё насквозь. Затем, почему-то, его тон вдруг стал мягче.

Шао Синтан стоял рядом с гардеробной за кулисами, его тёмные глаза смотрели на происходящее, а взгляд, устремлённый на Юэгуй, был полен скрытой жалости...

— Это... это моя дочь... — Отец Юэгуй, растерянно, толкнул свою дочь, которая, казалось, потеряла дар речи, и продолжил:

— Она ещё невинна... Если командир Юй не побрезгует, пусть пойдёт служить вам...

После этих слов в коридоре воцарилась тишина, мёртвая тишина. Юэгуй резко подняла голову и посмотрела на своего отца, её лицо было белым, как мел...

Юй Чжаньнань, засунув руки в карманы брюк, приподнял бровь и с интересом посмотрел на пару на коленях, не отвечая, лишь бросив взгляд на Шао Синтана за дверью.

— Забавно, что вы считаете это место приютом для кого угодно? — Юй Чжаньнань вдруг рассмеялся, и его пустой смех заставил всех почувствовать холод:

— Какие-то отбросы тоже смеют сюда приходить! Если твоя дочь так спешит, это легко исправить, у меня тут много солдат, всем не хватает женщин.

[Примечание переводчика: «Да Хун Пао» — знаменитый сорт улунского чая, дословно «Большой красный халат».]